

Проблемы научного издания записных книжек писателей (XIX—XX вв.) в свете новейших эдиционных проектов

В 1997 г. Л. М. Розенблюм отметила, что проблема издания записных книжек писателей занимает «значительное место в ряду сложных эдиционно-текстологических проблем современной филологии» [Розенблюм 1997: 89]. С тех пор эта проблема не утратила своего значения, напротив — Г. Радеке в 2013 г. подчеркнула, что публикация записных книжек в последнее время связана со сменой парадигмы в европейской эдиционной практике [см.: Radecke 2013: 152]. Вопрос о принципах издания особенно актуален, поскольку до сих пор есть неопубликованные записные книжки (среди их авторов — Н. С. Лесков, В. В. Маяковский, А. Белый, И. Г. Эренбург и др.); записные книжки, требующие полного научного издания (среди их авторов — М. А. Волошин и Вен. В. Ерофеев) или переиздания (например, «книжки» Л. Н. Толстого, которые должны войти в Академическое Полное собрание сочинений в 100 томах).

Настоящая статья — это попытка систематизировать спорные вопросы эдиции, связать их со спецификой записных книжек как культурного феномена, проанализировать новейшие издательские решения и оценить степень их продуктивности для дальнейшей практики.

Главные вопросы — это выбор типа издания, принципа композиции и степени полноты публикуемого материала. Текстологи обычно выделяют три типа изданий: документальные (факсимильные и дипломатические), критические (академические, научные и научно-массовые) и массовые [см.: Спиридонова 2009: 16]. Применительно к записным книжкам целесообразно различать сначала научные и массовые издания, а затем уже в рамках научных — критические и документальные. Научные издания записных книжек существуют или в рамках полных собраний сочинений, или самостоятельно: например, отдельные издания записных книжек М. И. Цветаевой (*Цветаева М.*

Неизданное. Записные книжки: В 2 т. Т. 1: 1913—1919. М., 2000; Т. 2: 1919—1939. М., 2001) или А. П. Платонова (*Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии.* М., 2006). Популярное издание также не редкость: в 2000—2001 гг. издательство «Вагриус» выпустило целую серию «Записные книжки», в которую вошли избранные заметки многих русских и зарубежных писателей, а также В. О. Ключевского и К. С. Станиславского. Есть и популярные «полные» издания без научного аппарата: например, записные книжки Вен. Ерофеева (*Ерофеев Вен. Записные книжки 1960-х гг.* М., 2005; Он же. *Записные книжки. Книга вторая.* М., 2007) и И. А. Ильфа (*Ильф И. А. Записные книжки: 1925—1937.* М., 2000 и др. изд.). Примечательно, что несколько записных книжек Волошина впервые были опубликованы в серии «Вагриуса» (*Волошин М. Записные книжки.* М., 2000), а полного научного издания до сих пор нет. Записные книжки Е. И. Замятина также сначала увидели свет в «популярной» форме в 2001 г. (*Замятин Е. И. Записные книжки.* М., 2001), но затем в 2011 г. появилось научное издание — в собрании сочинений (*Замятин Е. И. Собрание сочинений: В 5 т.* М., 2011. Т. 5: Трудное мастерство).

Почему записные книжки представляют интерес не только для филологов, но и для широкого круга читателей? Возникая в контексте творческих замыслов и набросков писателей, эти тексты сами приобретают определенный эстетический потенциал. Фрагментарность и незавершенность отдельных заметок вызывают ассоциации с образцами эссеистики эпохи модернизма¹ или с прозой постмодернизма [см.: Ефимова 2012]. Будучи опубликованы, записные книжки (наряду с письмами и дневниками) могут быть прочитаны не только как хроника жизни и творчества писателя, но и как своеобразное «произведение». Встречаются суждения, что записные книжки Ильфа не менее интересны, чем его проза (часть записей — «выдающееся литературное произведение» [Петров 2000: 10]), или что именно записные книжки были «главным делом жизни» Вен. Ерофеева [Яблоков 2005: 5]

¹ Ср. «Уединенное» и «Опавшие листья» В. В. Розанова.

и «самостоятельным полноценным текстом» [Смирнова 2010: 5—6]. В. К. Лосская даже сравнивала записные книжки Цветаевой с не-написанным романом [см.: Лосская 2008]. Поэтому, как и в случае художественной литературы, наиболее продуктивным представляется сосуществование популярного и научного изданий записных книжек. При этом массовое издание требует отбора заметок и особых комментариев.

До сих пор в литературоведении остается спорной необходимость публикации полного текста записных книжек даже в научном издании. Например, в России до сих пор были напечатаны только отдельные тематически подобранные отрывки из записных книжек В. Ф. Одоевского — о проблемах искусства (Русские эстетические трактаты первой трети XIX в. М., 1974) и Лескова — о языке (Заметки о языке в записных книжках Лескова / Вступ. ст. и публ. Т. С. Карской // Литературное наследство. Т. 101: Неизданный Лесков: В 2 Кн. Кн. 1. М., 1997), а в Германии в самое крупное собрание сочинений Б. Брехта (*Brecht B. Werke. Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe: In 30 Bd. Berlin; Frankfurt am Main, 1989—2000*) вошли лишь отдельные заметки, тематически распределенные по разным томам (среди вариантов художественных произведений, публицистики и эссеистики). В полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского записные книжки также были опубликованы в виде тематически сгруппированных записей, например, «личного и издательского», «литературно-критического и публицистического» характера. Этот подход к композиции материала можно назвать «содержательно-ориентированным», когда во главе угла стоит содержательная самоценность отдельных заметок, а их тема является основой классификации. Розенблюм, критиковавшая такую тематическую группировку, тем не менее признавала, что материалы к творческой истории романов Достоевского должны издаваться отдельно, хотя в записных книжках они порой соседствовали с заметками иной тематики [см.: Розенблюм 1997: 90—91]. В настоящее время блоковая группа Пушкинского дома, готовящая тома «Записных книжек»

А. А. Блока для полного собрания сочинений, приняла решение исключить из записных книжек при публикации черновики стихотворений и заменить их отсылками к другим томам, где черновики уже цитируются в разделе «Редакции и варианты»².

Апофеоз содержательно-ориентированного подхода — издание записных книжек С. Колриджа (*Coleridge S. T. The Notebooks / Ed. by K. Coburn. New York, 1957—1990*). Поэт вел заметки параллельно в нескольких книжках, зачастую перескакивая через страницы, а затем возвращаясь к пустым листам. В связи с этим английский литературовед К. Коберн предприняла грандиозную попытку реконструкции хронологии хаотичных записей Колриджа. Для этого были последовательно пронумерованы заметки из всех записных книжек; затем была предпринята попытка примерно датировать каждую запись, исходя из деталей биографии и изменения почерка с годами. В результате была создана искусственная последовательность заметок в соответствии с предположительной хронологией их создания. Однако при этом было нарушено материальное единство записной книжки как артефакта, складывающегося порой стихийно и с элементом случайности, игры³; единство текста, которым пользовался сам автор в процессе творческой работы.

Хронологическое расположение материала таит в себе подводные камни и в других случаях. Редакторы Юбилейного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах приняли решение публиковать в рамках одного тома и дневники, и записные книжки, относящиеся к определенному хронологическому отрезку (т. 47—58; например, т. 47 «1854—1857 гг.», т. 48 «1858—1880 гг.»).

² Критика этого решения высказана в статье Д. М. Магомедовой [см.: Магомедова 2009], где указано, что по списку отдельных вариантов очень сложно реконструировать именно ту редакцию текста, которая содержится в записной книжке. Она также подчеркнула, что без черновиков теряется возможность живо почувствовать, в каком интеллектуально-эстетическом контексте на страницах записных книжек возникали те или стихотворения.

³ Хронологические «прыжки» встречаются и в записных книжках других авторов; они часто разделяют не отдельные записи, а целые группы заметок, внутри которых все же можно предполагать наличие хронологии и единства контекста.

При этом некоторые записные книжки оказались искусственно разделены на две части. Например, одна часть записной книжки 1856—1863 гг. попала в т. 47, а вторая — в т. 48, и из-за этого читателю трудно воспринимать записную книжку как единое целое. В этой конкретной книжке граница разделения еще не вызывает сомнений, так как есть даты заметок. В ранних записных книжках Толстого нередко встречается датировка, но с 1860-х гг. количество датированных заметок постепенно уменьшается; в 1890-е гг. их почти нет. В том же т. 48 находится и вторая записная книжка, которая датируется редакторами со знаком вопроса: «1855—1857?» [Толстой 1937: 244]. Хронология становится неоднозначной, и мы видим, что в 1856—1857 гг. заметки велись параллельно в двух книжках, в отличие от дневников, что придает особое значение «единству» отдельной книжки. Редакторам также пришлось в ряде случаев делить записные книжки между томами, основываясь лишь на предположительной хронологии. Пример: записная книжка 1889—1890 гг., вошедшая в т. 50 (1889 г.) и 51 (1890 г.): «Записи на лл. 47 об. — 49 об. размежевываются между последними днями 1889 г. и первыми днями 1890 г. *предположительно*»⁴ [Толстой 1952: 246].

Противоположный подход можно назвать «материально-ориентированным», когда центральная задача издания — максимально полное воспроизведение текста в его неразрывной связи с материальным носителем (конкретной книжечкой, блокнотом или тетрадкой). Этот подход возобладал в новой немецкой эдиционной парадигме последних лет. При публикации особое значение приобретает документальная целостность источника, вплоть до смены заполненных и пустых страниц. Яркий пример — проект издания записных книжек Т. Фонтане, над которым с 2011 г. работает группа исследователей в университете Геттингена. Эта группа провела повторное фотокопирование шестидесяти семи архивных записных книжек, чтобы восстановить не скопированные ранее пустые листы и фрагменты

⁴ Курсив комментаторов.

листов, которые необходимы для факсимильной публикации как значимые паузы в творческом и мыслительном процессе.

Упомянув о факсимиле, перейдем к различению критических и документальных научных изданий. В критических изданиях художественных произведений читателю в результате анализа вариантов и разночтений предлагается эталонный авторский текст, печатаемый по основному источнику. Применительно к записным книжкам «критическим» можно считать издание, предлагающее читателю единый линейный печатный текст, обработанный в соответствии с классическим книжным форматом. Текст записной книжки имеет фрагментарный характер, представляя собой совокупность самостоятельных, нередко очень кратких заметок. Продуктивное решение, как подчеркнуть эту фрагментарность при печати, нашли публикаторы двухтомника записных книжек Т. Манна Х. Вислинг и И. Шмидлин. Они разместили свои научные комментарии не в конце книги и не внизу каждой страницы, а под каждой отдельной заметкой меньшим шрифтом. «Спотыкаясь» о комментарии, читатель сразу же чувствует, что перед ним — совокупность разнообразных мини-текстов. А поскольку комментарии развернуты, на книжной странице умещается нередко всего несколько заметок.

И все же любая обработка для «критического» издания сильно меняет оригинал, поскольку во многих записных книжках присутствуют нелинейное письмо (заметки одновременно с двух концов книжки; письмо в разных направлениях, поперек или вокруг имеющегося текста; своеобразное расположение кратких заметок на одном листе) и поликодовость (рисунки и ноты). Возможность аутентично воспроизвести подобное разнообразие предоставляет документальное издание: факсимиле и/или дипломатическая транскрипция. Дипломатическая транскрипция — это воспроизведение в печатном тексте оригинального правописания и пунктуации, всех дополнений и замен, а также по возможности расположения фрагментов текста на листе (например, поперек страницы или по диагонали).

В Германии сейчас ведется работа над документальным

изданием записных книжек не только Фонтане, но и Брехта (В 14 т.). Публикаторы Брехта (М. Кёльбель и П. Вильвок) отказались от критического текста: каждый разворот состоит из факсимиле одной страницы записной книжки и ее дипломатической транскрипции. Это высшая степень проявления «материально-ориентированного» подхода к тексту. Публикаторы Фонтане (под руководством Радеке) пошли по другому пути: в их «гибридном генетически-критическом издании» будет и документальная часть (факсимиле и транскрипция в электронном онлайн-издании), и критическая (традиционный текст, изданный в книжном формате). Также нужно упомянуть о выборе черно-белого или цветного факсимиле: в печатном издании Брехта предложен черно-белый вариант, а в онлайн-издании Фонтане запланирован цветной.

Факсимильные и дипломатические издания были распространены в России в первой трети XX в.; к 1950-м гг. от них отказались. В последнее время они снова появляются: например, факсимильное издание рукописей «Тихого Дона» (Шолохов М. А. Тихий Дон: Рукописи. М., 2006), «Рабочих тетрадей» и «Болдинских рукописей» А. С. Пушкина (Пушкин А. С. Рабочие тетради: В 8 т. СПб.; Лондон, 1995—1999; Пушкин А. С. Болдинские рукописи 1830 г.: В 3 т. СПб., 2013). Главный недостаток подобных изданий чисто практический — их дороговизна, поэтому они обычно связаны с уникальными поводами: споры об авторстве «Тихого Дона», наследие Пушкина, споры о порядке глав и составе незаконченного романа «Процесс» Ф. Кафки (его рукописи были факсимильно изданы в Германии: *Kafka F. Der Process: Historisch-Kritische Ausgabe sämtlicher Handschriften, Drucke und Typoskripte*. Basel; Frankfurt am Main, 1997). Возникает вопрос, насколько оправданы документальные издания записных книжек и насколько продуктивно было бы в России использовать опыт немецких публикаторов?

Ключевые визуальные характеристики записных книжек неразрывно связаны с творческим и мыслительным процессом; текст и графические элементы как бы перетекают друг в друга.

В 1983 г. вышла статья К. Баршта и П. Торопа о рисунках и каллиграфии в рукописях Достоевского, в том числе в его записных книжках. Авторы показали, что анализ графических элементов в их связи с текстом обязателен для понимания творческого мышления писателя (сгущение памяти, истоки диалогизма, единый визуальный язык), и убедительно аргументировали, что минимальной единицей публикации должна быть не запись, а страница рукописного текста [см.: Баршт, Тороп 1983: 141, 150—152]. Тем не менее факсимильного издания записных книжек Достоевского до сих пор нет, и только часть графических элементов упомянута в описании рукописей.

Анализ визуального оформления заметок продуктивен применительно и ко многим другим писателям. Например, записные книжки таких разных авторов, как Л. Толстой, Маяковский, Т. Манн и Брехт обнаруживают единые тенденции: с одной стороны, авторы вступают в свободную игру с материальным пространством книжки и визуальной эстетикой текста; с другой стороны, графическое оформление и своеобразная композиция помогают структурировать мыслительный процесс (выделение самостоятельных фрагментов, графическая передача содержательных связей между заметками, соотношение «фигура-фон» между заметкой и неисписанным пространством).

Рисунки из записных книжек нередко публикуются как иллюстрации, например, в Юбилейном собрании сочинений Л. Толстого или в издании записных книжек Ильфа (2000). Тем не менее по иллюстрациям зачастую невозможно понять место рисунков в тексте и их связи с текстом. А отдельные мелкие графические элементы остаются в принципе недоступны читателю, в то время как они являются частью материализованного мыслительного процесса.

Писатели XIX—XX вв. обычно делали заметки карандашом или чернилами. Карандаш удобен на ходу, вдали от письменного стола, но такие записи недолговечны, а потому некоторые авторы (например, Толстой) затем обводили самые важные заметки чернилами. Это различие инструмента письма нема-

ловажно, но оно далеко не всегда отражено в публикациях. Среди позитивных примеров — немецкое издание «Записных книжек» Т. Манна (*Mann T. Notizbücher: In 2 Bd. Frankfurt am Main, 1991*), где все записи чернилами помечены буквой «Т» (*Tinte*⁵) на полях. Известны случаи, когда писатели используют разные цвета. Например, Вен. Ерофеев в 1970—80-е гг. делал заметки черными, синими и красными чернилами. Издатели его записных книжек допускают, что это еще не до конца расшифрованный цветовой код [см.: Яблоков 2005: 7], однако разные цвета никак не были отражены в черно-белом издании. Другой пример: записные книжки Блока, который помечал особо значимые для себя заметки красным или синим карандашом.

Таким образом, зрительные элементы — это особый пласт содержания записных книжек, который утрачивается в критическом издании. Более того, можно предположить, что записные книжки обладают двойной эстетической природой: содержательной и зрительной как сочетание рукописного текста и изображения, графических элементов. Факсимильная публикация делает визуальную мозаику заметок доступной и широкому кругу литературоведов, и читателю-непрофессионалу, приоткрывая для него окно в область материального и визуального измерения творчества и одновременно представляя записную книжку как самостоятельный культурный объект.

Насколько велика ценность этого культурного объекта? Взятые вместе, записные книжки как хранилище замыслов фактически образуют прототекст всего творчества писателя. Будучи неизменными карманными спутниками автора, они хранят размышления и наблюдения, превращаясь в особую форму восприятия мира. Платонов писал об А. П. Чехове, что записная книжка была для него «приемником жизни» [Платонов 2006: 6]. Английский модернист Генри Джеймс, говоря о себе, охарактеризовал ведение заметок в записной книжке как один из базовых когнитивных процессов: «Вести заметки было так же естественно, как смотреть, думать, чувствовать, узнавать, запоминать» [James

⁵ Чернила (*нем.*).

1987: X]. Наконец, общее значение записной книжки для ее автора подчеркнул Маяковский: «Об этой книжке пишут обычно только после писательской смерти, она годами валяется в мусоре, она печатается посмертно и после законченных вещей, но для писателя эта книжка — всё» [Маяковский 1939: 221].

Записные книжки «противятся» критическому изданию, поскольку они чужды концепции эталонного «авторского текста», символизируя собой открытый процесс — творческий и мыслительный. Процессуальный, нелинейный, хаотичный характер записных книжек как своеобразной формы восприятия мира лучше всего передают документальные издания: полное факсимиле в сочетании с дипломатической транскрипцией. Такая публикация требует больших усилий ученых и затрат издателей, но именно она позволяет в максимально аутентичной форме сохранить для будущего и одновременно сделать доступной широкому кругу читателей едва ли не уникальный в культуре тип текста.

СОКРАЩЕНИЯ

Баршт, Тороп 1983 — *Баршт К., Тороп П.* Рукописи Достоевского: рисунок и каллиграфия // Труды по знаковым системам. Т. 16: Текст и культура. Тарту, 1983. С. 135—152.

Ефимова 2012 — *Ефимова С.* Записная книжка писателя и литература постмодернизма: точки сближения // Acta Universitatis Lodziensis: Folia Litteraria Rossica. 2012. № 5. С. 100—110.

Лосская 2007 — *Лосская В.* О записных книжках Цветаевой // Стороны света. 2008. № 9. URL: <http://www.stosvet.net/9/losskaya> (дата обращения: 11.10.2014).

Магомедова 2009 — *Магомедова Д. М.* Что является текстом записных книжек А. Блока? // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009. С. 518—525.

Маяковский 1939 — *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: В 12 т. М., 1939. Т. 10.

Петров 2000 — *Петров Е.* Из воспоминаний об Ильфе // Ильф И. Записные книжки: Первое полное издание. М., 2000. С. 8—10.

Платонов 2006 — *Платонов А.* Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2006.

Розенблюм 1997 — *Розенблюм Л. М.* Проблемы публикации записных книжек писателя (из опыта «Литературного наследства») // Современная текстология: Теория и практика. М., 1997. С. 89—94.

Смирнова 2010 — *Смирнова Е. Е.* Записные книжки Вен. Ерофеева 1960-х годов в составе авторского сверткста: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2010.

Спиридонова 2009 — *Спиридонова Л. А.* К вопросу о типах изданий // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009. С. 15—21.

Толстой 1937 — *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 47. М., 1937.

Толстой 1952 — *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 50. М., 1952.

Яблоков 2005 — *Яблоков А.* Мелочи жизни Венедикта Ерофеева // Ерофеев Вен. Записные книжки 1960-х гг. М., 2005. С. 5—10.

James 1987 — *James H.* The complete Notebooks / Ed. with introduction and notes by L. Edel and L. H. Powers. New York; Oxford, 1987.

Radecke 2013 — *Radecke G.* Notizbuch-Editionen. Zum philologischen Kontext der Genetisch-kritischen und kommentierten Hybrid-Edition von Theodor Fontanes Notizbüchern // Editio. 2013. H. 27. S. 149—172.